

Владлен Щербаков

В. ЩЕРБАКОВ

У
Б
И
Т
Ь
Р
А
Б
А

ЧАСТЬ 1

УБИТЬ РАБА

Владлен Щербаков

Убить раба. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18347781

Аннотация

Рабство никто не отменял. «Жить в обществе и быть свободным от общества невозможно!» – говорил великий вождь. Рабам системы посвящается.

Содержание

Часть 1. РАБ	5
МЕНТ	7
КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ	32
КОМУ ТЫ НУЖЕН	37
СВОБОДА	50
ОБРЕТЕНИЕ РАБА	54
Конец ознакомительного фрагмента.	72

УБИТЬ РАБА

Часть 1. РАБ

Чьи-то сильные руки вытаскивали его из машины. Сверху донеслось:

– Потерпи, дорогой.

Дмитрий поднял глаза, увидел марлевую повязку, темные глаза, сдвинутые брови, белую шапочку. Врач или санитар тащил его под руки. Странно, но Дмитрий ничего не чувствовал, ни боли, ни страха. Он посмотрел вперед, увидел еще одного человека в белом халате, который держал его за ноги. За спиной медика горела «десятка». В темноте ночи пламя лизало металл красными, желтыми, синими, белыми языками. Огонь высвечивал столб, покореженный капот, двери с разбитыми стеклами, спинки сидений.

– Осторожно, клади его. Похоже, ноги сломаны.

Дмитрий хотел сказать, что с ним все в порядке, но язык не слушался, в голове забрезжила спасительная мысль: «Конечно, это же сон». Его уже положили на носилки, грудь стянул брезентовый ремень, короткий подъем и покачивание в такт быстрых шагов.

В блаженной темноте проявляются светлые пятна. Пятна сливаются в картинку: белый пластик, прямоугольник люка, мягкий свет в плафонах, блестит хромированная перекладина, на ней качается пакет с жидкостью. Справа узкие застек-

ленные полки, витки синего шланга, слева человек в кресле, на лице повязка, глаза сощуренные, брови светлые. Картинка обретает объем, наполняется звуками, запахами. Какой к черту сон! Дмитрий попытался двинуть руками и ногами, но обратной связи от мышц не почувствовал. Приподнял голову, увидел полоску ремня на груди, дальше, за ступнями, матовое окно с красным крестом.

– Где мой брат? – Дмитрий узнал свой голос.

Человек с завязанным лицом склоняется, марля шевелится, с секундной задержкой:

– Твой раб едет в другой машине.

Приближается носогубник, глубокий вдох. Темнота...

Примерно за год до этого.

МЕНТ

Есть люди, которых совестно обижать. Не инвалидов, не калек – тех обижать совсем нельзя, к ним нужно по-человечески относиться. А есть такие уродики, которых жалко. Обычно их называют моральные уроды. Вроде человек – руки, ноги на месте, лицо не обезображено, а внутри черт знает что. И ведь не родился таким, а взрастили, мутировали в душе качества. Следовательно, не урод, а выродок.

Дмитрий сверху вниз смотрел в светлые, чуть не белые глаза начальника, размышляя о названиях. А еще полтора месяца назад этот тщедушный человек выродком не казался. Тогда Дмитрий относился к нему со стыдливостью здоровяка к доходяге, называл по имени-отчеству молодого, чтобы тот не чувствовал ущербности. Так вот и перестарался. Алексей Николаевич теперь смотрел с высоты 150 сантиметров Наполеоном, Ежовым метал свои 45 килограмм по коридорам. Высокий человек маленького роста резко вертел дынеобразной головой, тянущейся из узких плеч, хлопал белесыми глазками и держал нос по ветру. Сам Дмитрий почти на голову выше – тоже не сказать, чтобы высокий, с фигурой борца, давно забросившего тренировки.

Алексея Николаевича назначили начальником уголовного розыска. Назначили и назначили, для Дмитрия температура окружающей среды не изменилась. До тех пор, пока но-

воявленный Наполеон не решил утвердить свой комплекс на подчиненных.

– Ты почему опять опоздал, Кабанов? Ты пьяный что ли – глаза стеклянные? Чего молчишь?

– Мир спасал. – маскируя улыбку, Дмитрий совсем опустил голову. Взгляд упал на длинные остроносые туфли начальника, губы растянулись еще больше. Сходство Алексея Николаевича с маленьким Муком приближалось к 100 процентам.

– Я тебе устрою спасение! Иди, работай!

Скороходьи туфли развернулись, начальник УР засеменял по коридору в сторону приемной начальника отдела полиции.

В субботний день на трех этажах административного здания немногочисленно. Коридор второго этажа заливало июльское солнце, сверкали латунные номера на дверях кабинетов. Кабанов по пути поздоровался с двумя операми, перед дверью в свой кабинет заразительный смех заставил улыбнуться.

– Здорово, Диман! Слышал прикол? Зайсунцев ночью бухой приехал, ему автоматчик на вахте не так встал, так он дежурную смену выстроил, чтобы ему честь отдали. Потом шатался по коридорам и слюной брызгал: «Вы знаете, кто меня сюда командовать поставил!» – Белобрысый парень в форме рассказывал как отдежурил.

Дмитрий пожал руки коллегам – двум жизнерадостным

близнецам Косте и Валере, протиснулся к своему столу. Глянул на стопки бумаг – никуда они не делись, никто их не похитил и не сжег. Вздыхнул, улыбаться расхотелось.

– Отдал честь?

– Козырнул, куда деваться – начальник! – Костя уже снимал рубашку с лейтенантскими погонами, его дежурство благополучно закончилось к 9 утра.

– Тут от начальников не протолкнешься – работать некому. Пантелей собирал сегодня?

– Нет, прошелся по кабинетам, поумничал.

– Вот как такой дрищ в начальники пролез? Я ведь помню, как он от жуликов шарахался, лично ни одного не задержал.

– А то ты не знаешь, как он «девятку» в свой карман списывает. Подкопил, заслал, кому надо.

Кабанов перечитывал материалы, по которым в ближайшие сутки надо принимать процессуальные решения. Решений всего два – возбудить уголовное дело либо в возбуждении отказать. В первом случае накатать с десятков рапортов по якобы проведенным мероприятиям, с неизменной фразой в конце «Положительного не добыто». С заявителя истребовать справки о стоимости похищенного имущества, переопросить его в плане не врет ли, собака, не из зловредности или от безделья заявление написал. Затем получить визы трех начальников: Алексея Наполеоновича Пантелеева, самого Зайсунцева и начальника следственной части. Именно в такой последовательности начальники усомнятся в про-

фпригодности исполнителя, прежде чем на сопроводилровке появиться заветная надпись: «Дежурный следователь, примите решение в порядке ст. 144-145 УПК».

Второй вариант – вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела – требует от исполнителя подчас совершить больше телодвижений и задействовать все мозговые извилины, но решение действительно принимается самостоятельно. Хотя и выговор после прокурорской проверки тоже можно получить без посредников.

Планирование оперативно-розыскных мероприятий превали аккорды полузабытой песни группы «Сектор газа». «Я кланяюсь начальнику, ведь он второй отец...» – в этом месте, дождавшись улыбок от близнецов, Кабанов нажал зеленую клавишу.

– Ты завтра дежуришь.

– Я же в четверг по графику. – удивился Дмитрий.

– И в четверг тоже. Опаздывать не будешь. Хуснулов приболел, заменишь его.

Ну конечно, Хуснулов Рамиль, молчаливый опер с вечно сплупленным лицом, Пантелеев его побаивается, называет ласково – Рома.

Кабанов справедливо решил, что перед суточным дежурством имеет право отдохнуть. Материалы образовали на столе прежнюю стопку, Дмитрий попрощался с коллегами и поспешил к выходу из родного управления.

На крыльце Дмитрий вздохнул полной грудью. Солнце

ласкает плечи, утренний ветерок скользит по лицу, трепыхаются, поблескивая, тополиные листья, воробьи чирикают. Впереди еще август и сентябрь – два практически летних месяца, когда и жить и работать одно удовольствие. Даже бессонные ночи не в тягость.

Дмитрий сел в свой автомобиль – трехлетний, вполне еще работоспособный продукт Волжского автозавода десятого семейства. Достал телефон, решившись, набрал номер.

– Привет.

– Привет. – отозвался в трубке равнодушный женский голос.

– Выспалась? Может, все-таки увидимся вечером?

– Дим, мы же вчера по дороге уже поговорили – у меня есть парень, я ему не могу изменять. Сам же меня бросил, чего теперь?

– Кать, почему сразу изменять? Встретимся, посидим. – стал плести паутину Дмитрий.

– Не надо, Дим.

В 3 часа ночи звонить и просить забрать ее из деревни за 80 километров, это к Диме. Всю рубашку Диме слезами облить, а потом – «у меня парень». Так-то понятно, не хочет, чтобы он узнал. Эх, Катька, годков бы тебе побольше. А лучше бы мне поменьше, криво ухмыльнулся Дмитрий. Что ж, имеется мадемуазель постарше.

– Привет.

– Привет, Дим! – вот в этом голосе и радость и безотказ-

НОСТЬ.

– Я сегодня свободен вечером. Ты как?

– А чего ты предлагаешь?

– Не знаю, Танюш. Ко мне пойдем.

– Хорошо. Во сколько заедешь?

В солнечном луче вальсировали пылинки. Окна Кабановской квартиры выходят на восток, поднявшееся над пятиэтажками светило ласкает стройные ноги девушки. Таня лежит на животе, обнимая подушку. Двухспальная кровать занимает большую часть спальни, с краев всего по полметра до противоположных стен. Не царские хоромы достались Кабанову по наследству от бабули, смежная комната не намного больше.

Дмитрий полюбовался загорелым упругим телом подружки, глянул в зеркало над кроватью, поморщился. Забросил себя, годы хватают за горло, скоро 37, талия расплылась, бугры мышц опали, лицо округлилось. Ничего, выйду в отпуск, подкачаюсь, в очередной раз успокоил себя Кабанов. Он уже успел умыться, на кухне дымился кофе.

– Танюша, вставай быстрее, на работу опаздываю.

– Дим, дай я посплю у тебя – сегодня же выходной, потом заедешь, отвезешь меня. – Не открывая глаз, заканючила девушка.

– Ладно, спи. К обеду позвоню.

Татьяна расплылась в улыбке, сжала подушку. К тому, что

ей не дают ключи от квартиры, уже привыкла.

В большой комнате Кабанов надел форменные брюки, перекинул погоны на рубашку с коротким рукавом. Подумав, снял с вешалки китель, в карман сунул галстук, фуражка с прошлого дежурства валялась в машине.

Дмитрий доел остатки романтического ужина, коим являлся кусок пиццы – Татьяна в этом плане не привередничала, или делала вид, что ей все нравится. Пицца так пицца, вино так вино – удобная девушка. И симпатичная. И безотказная. Так и стала матерью-одиночкой в 18 лет. Сын скоро во второй класс пойдет, а мамка все стрекозой прыгает. Но за Дмитрия вцепилась крепко – муж нужен. Но пока об этом даже не намекает. Хлопает карими глазами, улыбка с лица не сходит – все, что хочешь, милый.

Кофе встряхнул похмельную голову, подверженную к тому же хроническому недосыпу. В целом, Дмитрий чувствовал себя неплохо, можно и отдежурить лишний раз. Глянул в спальню, взгляд снова задержался на аккуратных спортивных икрах, подумал, через день можно снова пригласить. Но ключи пока не давать, с этим у Кабанова строго.

Подъехал вовремя, к 9-00, в воскресный день дороги без пробок, а проживал Дмитрий в том же районе, где и работал, только на другом конце. В дежурной части переполох в китайском квартале – старая смена пишет последние рапорта, сдает оружие, новая прибывает на развод. Кабанов продвинулся к окну, стал прикидывать возможные осложнения.

Сложности возникали из индивидуальности умственных и физических качеств заступающего наряда. Дежурный – старший смены – темноглазый, востроносый капитан Леваньков – это минус, зато ему помогает Смирнов – красавец старлей из гусарской породы. Гусар с виду, но сначала думает, потом руководит без леваньковской паники. Это плюс. Также повезло с экспертом. Инна Насибуллина – милая девушка с васьковскими глазами. Счастлива замужем, ребенок. А вот со следователем и дознавателем не повезло. Лейтенант Мария Фомина – мясистая мадемуазель с широким ртом на угреватом лице, только выпустилась с юридического факультета, но уже считает себя главой следственно-оперативной группы. Укоротила форменную юбку, теперь сверкает филейными частями – статус: в активном поиске. Дознаватель – девушка и вовсе квадратно-гнездовая, одета в брюки. Лейтенанту полиции Рожковой хвастаться можно разве что бюстом. Обтянутая форменной рубашкой грудь 5 размера, подпираемая животом, сильно ограничивала обзор дознавателя с высоты полутора метров. На очень большого любителя типаж. И все же Дмитрия удручал не внешность, а внутренние качества коллег. Мягко говоря, энтузиастами своего дела девушки не были.

– Андрэ, привет! Не знаешь, кто сегодня ответственный? – Дмитрий поздоровался с напарником.

Андрей Рассошкин почесал мощный загривок, сморщил лоб.

– Мартынюк вроде. Новый начальник ОБЭП. Зайсунцев его с собой перетащил.

Через стекло Леваньков заметил движение в коридоре.

– Новый наряд, постройтесь на развод возле стенки. Ответственный идет.

В дежурку вперевалку вошел майор Мартынюк, мужчина в самом расцвете сил. Но без пропеллера. Во всяком случае, на спине. Маленькие синие глазки поблескивают из под козырька, нос пяточком, губы пельменями. Вот он каков – Зайсунцевский протеже.

– Новая смена в полном составе! – Доложил Леваньков.

Мартынюк пожевал пельменями, насупив брови, осмотрел полицейских.

– Завтра в 7-30 будем сдаваться начальнику отдела. Все знают требования? Все уже с Денисом Александровичем знакомы?

Протеже посмотрел на Кабанова. Дмитрий выпрямился у подоконника.

– Как фамилия?

– Оперуполномоченный Кабанов.

– Как смену сдавать будешь?

– Как обычно. 15 лет работаю, не знаю, как дежурить?

– Много разговариваешь! Рассошкин, объяснишь ему! Я из-за него не собираюсь завтра до обеда здесь торчать!

Кабинет Рассошкина на порядок богаче других оперских кабинетов – кондиционер, сейфы новые, на столах ноутбуки.

Оно и понятно – кабинет группы «А». Здесь, по близости к начальству, корпят над бумагами с грифом «секретно» самые ответственные товарищи. Сюда в свое время, чтобы не зашибли, перевели Пантелеева. Алексей Николаевич вызубрил секретные приказы и прослыл знатоком по части списания дел оперативного учета.

– Денис Александрович любит, – вводил Андрей в курс дела, – чтобы на каждое нераскрытое преступление была подробная справка. По каждому делу должны быть отработаны минимум три ранее судимых. Их нужно отработать, опросить, дактилоскопировать. Само собой поквартирный обход чтобы был. И главное к чему он не равнодушен – отработка мест возможного сбыта – рынки, ломбарды. При этом в ломбарде надо опросить приемщика, отксерокопировать книгу приема товара.

– Его из деревни перевели? – удивился Кабанов. – За сутки столько заяв, по каждой никогда все не сделаешь!

– Да главное, чтобы это все на бумаге было. Ты понимаешь, о чем я. – Скорее утвердительно сказал Рассошкин.

– Единственно с ломбардами беда – ксерокопии нужны, а книги не все дают, так что здесь выкручиваться придется.

Потянулись дежурные сутки. До обеда, как обычно, все спокойно. Оставаясь на связи, Дмитрий отвез Татьяну домой. Приехал в отдел к часу дня.

– Иди, тебя там заявители ждут. Один сам пришел. Рассошкин на краже. – Встретил Леваньков.

До вечера Дмитрий разбирался с гражданами. Одного мужика вчера ограбили, был пьян, ничего не помнит, но «02» позвонил как положено, когда протрезвел. У молодой мамашки на рынке мобильник украли из кармана. Чтобы занять пятилетнего карапуза вместо запрошенного пистолета, Дмитрий дал ему альбом с фотографиями жуликов. Пока мальчуган рассматривал отвратительные рожи, опросил мамашку, принял заявление. Мужчине, который сам пришел, объяснил бесперспективность поиска его навигатора.

– Другое дело, если бы машина застрахована была, тогда хотя бы за стекло возместили. А так только время потратите. – Убеждал Дмитрий. Сознание грубой реальности и корпоративность перевешивали стыд перед просившим помощи человеком.

Потом был выезд на грабеж, потом еще на один. По заведенному порядку человека надо опросить, принять заявление, составить план, только после этого передать для допроса Фоминой. И вот тогда гражданин уже переходит в ранг потерпевшего. Следственные действия и осмотр места происшествия экспертом по времени делятся много дольше оперативных мероприятий, когда нет зацепок и свидетелей. К удовольствию дежурного Дмитрий на место выезжал на своей десятке.

В 11 вечера Леваньков позвонил и обрадовал:

– По адресу Матросова, 21-17 квартирную кражу заявили, следователь еще на грабеже, позже привезем.

Все, как всегда – муж с женой приехали с дачи, дверь открыта, к замку в железной двери подобран ключ, внутренняя деревянная дверь выбита.

– Я на кухне в вазочке миллион рублей хранил – премию за тот год дали. – Муж уже успел залить горе, дышал на Дмитрия коньячным выхлопом на лестничной площадке.

– На новую квартиру копили.

Хорошо получают в нефтяной компании.

Жена держалась лучше.

– Есть какие-нибудь шансы найти?

«Какие шансы! Не раскрываются у нас квартирные кражи по-честному! Потому что ими грузинские группировки или еще какие гастролеры занимаются, а мы потом местного наркомана какого-нибудь за дозу загрузим и всем хорошо. Кроме потерпевших, конечно». Всего этого Дмитрий не сказал.

– Шанс, конечно, есть. Бывает, что и похищенное возвращаем. – сказал Дмитрий.

– Вы пока в квартиру не заходите, сейчас собаку привезут. Кто из вас заявление писать будет?

Коротко опросив супругов, Дмитрий провел поквартирный обход в подъезде. Дом – пятиэтажная хрущовка, по 4 квартиры на этаже. Как всегда: через дверь – «какая полиция, мы не вызывали», а те кто открывает, интересуется, у кого украли, а затем – «мы ничего не видели, ничего не знаем».

Привезли собаку. Старая овчарка понюхала воздух в

квартире, утянула девушку-кинолога на улицу.

«СРС «Фина» дошла до угла дома со стороны последнего подъезда, вышла на дорогу, ведущую к проезжей части ул. Александра Матросова, где работу закончила». Ясное дело, квартирники не пешком передвигаются.

– Распишитесь в акте, товарищ капитан. – Девушка в мешковатом камуфляже похлопала ресницами. Забрала копию, скокетничала:

– До связи.

Номер телефона Дмитрий спрашивать не стал – молодая больно, но настроение поднялось, шутливо попрощался с кавказским акцентом:

– Давай, до свиданья!

При дежурной части один автомобиль, который возит следственно-оперативную группу на все происшествия. Круглые коленки Фоминой сверкнули в проеме двери лишь в первом часу ночи.

Дмитрий помог выбраться из машины, спросил:

– Чего так долго?

Лучше бы не спрашивал. Вполне объяснимая реакция.

– Я сегодня еще не присела, Кабанов! – Заквакала труженица.

Никак стоя допрашивала, про себя улыбнулся опер.

– Сколько можно мне баранок подсовывать! Дознавалка вон целый день сидит, никуда не выезжала даже.

Как будто это Кабанов насвершал все преступления и ни

одного малозначительного.

Пока эксперт делала свое дело, Дмитрий обрисовал ситуацию, передал опросы, рапорта.

– Мария, мне здесь делать нечего, поеду справки печатать. До отдела не доехал.

– Дмитрий, с кражей закончил? – Звонил уже Смирнов. Красавец – не начинал с истерично-требовательного «Ты где?»

– Ножевое заявляют, сгоняй, посмотри. Здесь не далеко, адрес проспект Кирова 80, квартира 9.

Подруливая к старой двухэтажке, Кабанов уже представлял себе картину. Квартира коммунальная или соседи более чем дружат семьями. Гужбанили с вечера, стакан не поделили или еще в каких культурных вопросах не сошлись, слово за словом, ножом по столу... Бытовуха.

У подъезда «скорая», водитель равнодушно дымит в окно.

– Давно приехали?

– Минут пять.

С папкой наперевес Дмитрий пошел на адрес. На первом этаже светятся два окна, внизу поблескивают осколки. В подъезде пахнет кошками, опер подсветил телефоном – крови на площадке вроде нет. На звонок открыла фельдшер. В коридоре ступить некуда. С плачем и визгами бегают две тетки лет по 30, в углу сухонькая старушка памятником в грязной сорочке, в центре на одеяле хрипит жилистый мужик. Пачкая колени кровью, врач пытается убрать татуиро-

ванные руки с живота.

– Тихо, тихо, родной.– Врач, сразу видно дядька опытный, посмотрел на рану, нахмурился.

– Лена, дай два кубика промедола и позови водителя.

С другого конца коридора на свет выскочил белобрысый парень лет 25, мятая майка болтается на широких плечах, темные джинсы, шлепанцы. Увидев полицейского, закричал:

– Серегу зарезали!

– Тихо, тихо, родной. – Повторил за доктором Дмитрий. – Ты кто такой?

Какой там тихо! Женские визги со всех углов, раненый стонет, белобрысый орет, и среди этой какофонии ноль полезной информации.

Пока белобрысый прыгал возле Сереги, Кабанов мельком осмотрел кухню, санузел, заглянул в одну из комнат. Вернулся, бросил папку на полку возле двери.

– Слышь, Сергей! Кто резал?

– Не знаю. На улице.

Все – дело раскрыто. Бригада «скорой» потащила одеяло с несчастным Сергеем к машине. Бестолково пытаюсь помочь, тетки протиснулись следом из подъезда. Кабанов придержал белобрысого.

– Как зовут? Судимый?

– Ну, судимый! И чего, сразу на меня думаешь? – Белобрысый выпрямился, развернул плечи.

– Как зовут, спрашиваю? – Дмитрий склонил голову, за-

метил царапины на шее.

– Антоном зовут. – Сдулся белобрысый. – Живу здесь с женой и матерью. Серега – сосед.

– Ну, ты понял, сейчас со мной поедешь.

– Да не поеду я никуда, – снова взбрыкнул Серегин сосед.

– Я его не резал, он с улицы такой пришел.

– Потом разжал руки, всю ванную кровью залил, тебе пальцы обмазал, да еще за шею похватал. Версия, прямо скажем, гавно! Давай, обувайся! – Кабанов демонстративно передвинул кобуру на поясе.

– И шутить не надо, Антон. Понял?

Перебрав приоритеты, Дмитрий решил сначала доставить подозреваемого в отдел, потом искать орудие преступления.

В кабинете за плотно задернутыми шторами после некоторых прений Антон согласился чистосердечно признаться. В ответ Кабанов пообещал смягчить некоторые детали. На бумаге это выглядело так:

«Я, Селютин Антон Игоревич, 18.05.1989 г.р., ранее судимый по ст. 162 ч.2 УК РФ, после освобождения в 2010 году проживаю по месту регистрации пр. Кирова д. 80, кв. 9. В 2011 году женился. На данный момент мы с женой и матерью занимаем две из трех комнат в коммунальной квартире. В ноябре 2012 года в третью комнату въехали Сергей и Ольга Гнилomedовы. Сергей также ранее судимый, но, также как и я, в настоящее время трудоустроен и криминалом не занимается. Отношения у нас сложились соседские, иногда вме-

сте выпиваем. В пятницу моя жена уехала к родителям в деревню. В субботу вечером Сергей ушел на работу. Мы с его женой немного выпили на кухне. Пили пиво. Когда Сергей пришел с работы, мы с Ольгой продолжали выпивать. Сергей сходил за водкой, присоединился. К вечеру Сергей приревновал Ольгу ко мне. Они поругались, Сергей ушел. Через некоторое время он пришел, увидел нас на кухне и разбил окно. На всякий случай, я положил нож в карман. Сергей зашел в квартиру и позвал меня покурить в ванную комнату. Там он стал меня душить, поэтому мне ничего не оставалось делать, как ударить его ножом в живот. После этого я вызвал скорую помощь, куда дел нож не помню».

– Да, незамысловатая история. Дальше знаешь, что писать – чистосердечно раскаиваюсь и так далее. Сейчас ноготки сострижем и перекурим, лады?

После всех необходимых процедур Кабанов приковал раскаявшегося Антона к батарее в коридоре («нет, нет, – причитал Леваньков, – я в камеру никого не посажу без разрешения Зайсунцева!»), сам прилег на часок в кабинете. Дежурство заканчивалось, но предстояло еще отчитаться у начальника.

В 7-30 дежурный наряд был допущен в кабинет начальника отдела. Приглашение последовало собравшимся перед дверью через начальника УР.

– Заходите быстрее! Денис Александрович ждет.

Пантелеев нырнул обратно, в открытую дверь сначала

прошел цветущий Мартынюк, за ним потянулись остальные.

Когда постоянно не досыпаешь, а последние сутки не спишь вовсе, картинка замылена, звуковое сопровождение запаздывает. Кабанов впервые был удостоен чести лицезреть вблизи нового начальника. Зайсунцев показался мутированной пучеглазой картофелиной, восседавшей за столом. По левую руку морщил пяточок Мартынюк, по левую – крысил мордочку Пантелеев.

– Докладывайте! – Приказала картофелина, когда оставшаяся грядка расселась в ряд у стены.

Вишенка Фомина бодро доложила о проведении следственных действий и отсутствия результатов у уголовного розыска. Кабачок Рассошкин деловито залистал в блокноте, в оправдании навета засыпал фамилиями проверяемых и названиями ломбардов.

– Все рапорта с опросами в уголовном деле, товарищ майор!

Не то, чтобы лавры Чиполлино не давали Кабанову покоя, но явно врать не позволяло самоуважение.

– Кабанов, почему по квартирной краже нет рапортов о проверке ранее судимых?

– Кого я проверю в час ночи? Поквартирный я сделал, была бы информация, написал.

Хоть бы по имени-отчеству назвал или «товарищ майор» присовокупил!

Картофелина выпучила глазки, материалы уголовного де-

ла полетели на пол.

– Смену не сдадите, пока все не будет сделано! Сдавать придете, когда я освобожусь!

Мартынюк засопел, до Кабанова дошла волна ненависти. Рядом вздохнул Рассошкин, губы Фоминой задрожали, глаза увлажнились – домашний завтрак откладывался на неопределенное время.

Мартынюк в коридоре пораздувал ноздри, но ничего не сказал, ушел бороться с экономической преступностью. Уже несколько дней его занимала идея сбыть изъятые игровые автоматы в другой регион, где борьба с игорным бизнесом еще не достигла пика. Зато Алексей Николаевич, аккуратно затворивший начальническую дверь, бросился к Кабанову, как гиена на издыхающего носорога.

– Пиши рапорт на увольнение, Кабанов!

– С какого перепуга? – округлил глаза Дмитрий.

– С такого! Или сам уволишься или мы тебя сожрем!

Кабанов не ожидал такой мстительности на ровном месте. Указание Зайсунцева, возможно, данное сгоряча, Алексей Николаевич стал выполнять с усердием прирожденного лакея. Личная неприязнь придавала особую сладость в поедании Кабанова. На любое мероприятие по охране общественного порядка первым в списке Алексей Николаевич ставил Кабанова. Вместо двух дежурств в месяц – четыре, пять. Количество материалов, отписанных детской рукой Пантелеева, удвоилось. Секретное делопроизводство вдруг стало на

особом контроле. Каждый час непосредственный начальник находил причину позвонить Кабанову и проверить, где он находится и что делает. Дмитрий уже забыл и Катю и Таню и остальных привлекательных знакомых. В редкие выходные имелось лишь одно желание – как следует выспаться. Когда такое положение дел стало поднадоедать, и Кабанов уже подумывал написать рапорт на имя начальника отдела по работе с личным составом, прессинг неожиданно прекратился. Две недели Дмитрий наслаждался прежним ходом работы, решил, что начальство подавилось и плюнуло на нелюбезного опера.

Кабанов шел по коридору родного отдела. Он вкусно пообедал, желудок радовался кафешному гуляшу, в голове гуляла мысль о приятном вечере с Татьяной. Бабье лето только началось, даже бестолковые прогулки по набережной в предпостельной программе не в тягость.

– Кому там еще надо!

Слова были обращены к мобильнику, затрепыхавшемуся в кармане рубашки. На дисплее – «Козлов Д. К.».

– Ты где? – Не дождавшись ответа, – зайди ко мне!

Зайсунцев перетащил Козлова Д. К. своим заместителем всего месяц назад. Какого-либо мнения о плотном молодом человек с небритым лицом Дмитрий составить не успел. С первого взгляда – мутный тип. Но факт – на подчиненных без нужды не давит, перед Зайсунцевым на цыпочках не стоит.

– Разрешите, Данила Константинович.

– Заходи, садись. Самойлова знаешь?

Кто же из оперов не знает Самойлова. Легенда преступного мира. Человек-стрела, умудрявшийся, судя по сводкам раскрытых преступлений, за сутки совершать несколько краж в различных районах города. Воровавший все подряд от аккумуляторов до мобильных телефонов. Все это под личиной тухлявого старичка в очках с лупами вместо линз. Кабанов острил на проверках показаний: «Это он Бэтманом на ультразвуке аккумуляторы под мышку и на приемку летит».

Сотрудничество со следствием объяснялось тем, что старик решил доживать на зоне и старался напоследок запомнить вкус колбасы и водки. А лакомства он получал за явки с повинной, заполняемые под диктовку дрожащей рукой. Обычное дело в борьбе за показатели.

– Завтра Самойлов 218-ю подписывает, его подкормить надо сегодня.

Козлов щелчком отправил по столу маленький бумажный сверток в ладонь опера.

– Так он не наркоман вроде?

– А ты ему передачку сейчас организуешь? Вывозить его нет времени. Сам не будет – выменяет на что-нибудь. Езжай, вот разрешение следака.

Кабанов сунул сверточек с героином в правый карман джинс, забрал бумагу с гербовой печатью со стола. Отказы-

ваться причин не было.

Следственный изолятор находится на заводской окраине. От отдела по свободным дорогам 30 минут езды.

Кабанову удалось припарковаться на площадке в тени высокой стены. Как раз освободилось место у шлагбаума, дальше проезжали только служебные автомобили. Сразу за шлагбаумом у ворот толпа с набитыми снедью сумками. Родственники арестантов неприязненными взглядами проводили Дмитрия, сразу распознав представителя власти по уверенной походке и папке под мышкой.

Опер позвонил в дверь, посмотрел наверх в объектив видеокамеры. Щелчок электромагнитного замка, дверь на сантиметр открылась. Внутри еще одна дверь, которая открывается после закрытия первой. Далее решетка с аналогичным замком и принципом действия. Все перемещения фиксирует видеокамера. За решеткой пропускной пункт. Кабанов склонился к окну, представился в микрофон, в выдвижной лоток положил удостоверение и телефон. Сержант с крашенными кудрями из под пилотки строго глянула через бронированное стекло.

– Оружие есть?

– Нет.

Дуплексная связь завершилась. Из лотка Кабанов забрал пропуск. Щелкнул замок в последней двери – здравствуй, тюрьма! Оставалось зайти в оперчасть, заказать Самойлова на вывод.

– Товарищ, вы оперуполномоченный?

По обе стороны от Кабанова встали два короткостриженных парня.

– Да, а вы кто?

Парни достали удостоверения. Опа! Брови Кабанова поползли вверх. Уже до ответа все понял.

– Управление собственной безопасности. Мы проверяем всех сотрудников в рамках операции «Заслон». Позвольте вашу папку, руки держите на виду. Все действия фиксирует видеочкамера.

Из-за спины Дмитрия вынырнул третий усбэшник с камерой в руке.

– Пройдемте в комнату для досмотра.

Подстава, элементарная подстава! Дмитрий побледнел, затем кровь ударила в голову. Стриженные вроде вежливо, но крепко схватили за руки.

В досмотровой комнате на лавке у стены уже сидели понятия – два пожилых мужика, под ногами сумки с едой. Отцы заключенных не скрывали улыбок, видимо уже знали, что охота идет на опера.

– Понятия, сейчас мы досмотрим, – усбэшник посмотрел в удостоверение, – Кабанова Дмитрия Петровича.

– Это ваша папка, Кабанов?

– Да.

– Что в ней?

– Бланки опросов, разрешение на работу с Самойловым.

– Имеются ли при себе предметы, запрещенные к гражданскому обороту?

Кабанов давно все сообразил и решал, какие давать показания и давать ли их вообще. Утверждать «подкинули» – глупо. Надо же, как осерчали руководители – такую операцию продумали, с видеофиксацией. Парни в рубашках с коротким рукавом полезут в карманы голыми руками. И понятые и видеокамера зафиксируют ловкость рук и никакого мошенничества. «Подкинули» – не пойдет. «Нашел на дороге, несу сдавать – добровольная выдача». Тоже не фонтан. Дойдет до суда, не поверит судья – «вышел из машины, увидел сверток, решил подобрать, а там порошок грязно-белого цвета, похожий на героин, понес сдавать». Чушь.

– Выложите все из карманов.

На стол в ряд легли деньги, около 1000 рублей, водительское удостоверение, паспорт на автомобиль, бумажный сверток 2 на 2 см.

– Что это?

– Согласно статьи 51 Конституции давать показания против себя не буду. – Наилучший вариант, когда не знаешь, что делать.

– Это ваше право. Понятые, подойдите поближе.

Оформление изъятия грязно-белого порошка, опросы понятых, рапорт – все как положено. Можно было не сомневаться, что справка эксперта будет готова к вечеру, в лучшем случае до завтрашнего обеда. А пока задерживать нет

оснований. Судя по количеству героина на мятой развернутой бумажке, тянет на крупный размер.

Домой Кабанов приехал угрюмый. Отключил телефон и лег спать.

На следующий день после тюремной подставы Дмитрий на работу не пошел. Проспал почти 10 часов, голова пустая, на сердце тяжесть, мышцы тряпками. Косые лучи сентябрьского солнца заглянули в окно. День обещал бархатное тепло, такое же как вчера. Но вчера была другая жизнь. Дмитрий закрыл глаза. Грузная сальная фигура Зайсунцева, улыбка на небритом лице Козлова, черные злорадные глаза Пантелеева – встречаться с врагами не было сил.

Дотянулся до телефона, включил. 9-30. Надо вставать, чего ты разнюнился. Тебе ноги отрезали, голову пробили, СПИД нашли? До тюрьмы и до сумы еще далеко, еще можно побороться! Допроситься по-честному, потянуть за собой Козлова. Отмажется, но дым останется, гарь может и до Москвы дойти! С должности можно и кувыркнуться. Мышцы налились привычной тяжестью, дыхание выровнялось. Дмитрий встал, солнце наглым колобком смотрело в окно. И от бабушки и от дедушки, а от Козлова не ушел. Ничего, подавятся – не то тесто проглотить решили, уверял себя Кабанов.

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

Алексей Уходякин был доволен собой и своей должностью. Рост за 180, стройная фигура, римский профиль, светлые вьющиеся волосы, серые глаза – настоящий ариец. Алексей любовался на свои фотографии в «Вконтакте». Вот он в Египте бронзовым богом на фоне пирамид, вот раскрасневшийся довольный на зимней охоте в Казахстане, вот в катере нынешним июлем на Волге в ковбойской шляпе. А вот фотографии в форме на 9 мая, когда руководил охраной общественного порядка на главной площади города. Фуражка-аэродром, на широких плечах золотые майорские звезды. Не ариец – настоящий полицейский. С приходом нового начальника полиции товарища Ахмеджонова от некоторых сравнений лучше воздержаться. Алексей улыбнулся, добавил в профиль песню Кинчева «Небо славян». Пока песня проигрывалась на близкой к нулю громкости, просмотрел профили друзей, вернее подруг. Присутствовали совсем незнакомые девушки, добавленные после непродолжительной переписки типа «Ах, какой клевый!», «Что делаешь сегодня вечером?» Остается только выбрать подругу и познакомиться вживую. Жене, как всегда, можно сказать, задержали на работе. А в случае быстрого адюльтера – неожиданно вызвали в область.

На работе Уходякин никогда после 18-00 не задерживал-

ся, ни в какие командировки не ездил, преступников видел только на фотографиях, не говоря уж о том, чтобы участвовать в задержании. Должность у Алексея – заместитель начальника отдела по работе с личным составом. Кто на что учился, оправдывал, любясь в зеркало на гренадерский вид, отсутствие опасностей Алексей. Хотя и учился он в Аэрокосмическом университете на специальность, название которой не помнил. Сразу после окончания ВУЗа, полагая, что рабочее-крестьянская армия не для интеллигентного инженера, подал заявление о приеме на работу в милицию. У родителя имелись связи и Алексея пристроили в отдел технического обеспечения чинить рации. В техниках кис недолго – мужественная внешность и папашины связи толкнули на самый верх – в городское УВД. В это время вводили новую должность – представитель с общественностью, нужен был образцовый полицейский с умным лицом. Должность ввели, но представлять милицию стала фигуристая блондинка с пухлыми губами. По всей видимости, кого-то из высшего руководства возбуждало умное лицо Мерлин Монро.

Уходякина оставили инспектором отдела кадров, где он благополучно дослужился до майора и заместителя начальника. Переаттестация принесла дивиденды в форме материальных благодарностей и связей во всех районных ОВД, а после повышения зарплаты жизнь вовсе превратилась в сказку.

Дверь в кабинет распахнулась, судорожным движением Уходякин закрыл интернет-браузер.

– Алексей! – в кабинет вкатился низенький майор, в туго застеганной зеленой форме похожий на арбуз.

Уходякин поднялся над столом, изобразив преданность во взгляде. Коротышка поморщился, махнул рукой.

– Алексей, я одного опера вызвал, примешь его ты. Кабанов его фамилия. На него материал в УСБ завели, вроде, хотел в СИЗО наркотик пронести. Но это сам понимаешь. – майор скривил губы, щеки надулись яблоками.

– Чем-то он Зайсунцеву не понравился. Ахмеджонов дал указание уволить Кабанова. Опер он неплохой, можно в другой отдел перевести. Но не за красивые глаза. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, Станислав Олегович. – Уходякин действительно понимал непосредственного начальника с полуслова. Иначе не усидел бы в заместителях.

– Рублей за двести, думаю, похлопочем перед Ахмеджоновым. – арбузный майор подмигнул и вышел.

Уходякин сделал пару звонков, затребовал личное дело Кабанова.

– Как придет, проводишь ко мне. – повелел секретарше Алексей, накрывая холеной ладонью папку со звездой на обложке.

Алексей второй час мучился в ожиданиях – четыре часа дня, скоро рабочий день закончится, а ответа от избранницы «Вконтакте» не было. Затренькал телефон на столе, мученик взял трубку.

– К вам Кабанов, Алексей Альбертович.

– Пусть зайдет.

Уходякин успел сдвинуть брови, расправить брови.

– Разрешите.

– Входи.

Кабанов Алексею не понравился. Приземистый, широкоплечий, в застиранной майке и джинсах, лицо одутловатое, предки явно не дворяне, и смотрит, как красноармеец на буржуазию.

– Садись. Материал об изъятии у тебя порошкообразного вещества собран в полном объеме. Осталось дожидаться справки эксперта. Что обнаружит эксперт во многом зависит от тебя.

Кабанов сидел на стуле и раздражал молчанием. Возбудить уголовное дело – лишнее пятно на УВД, неизвестно, как обернется. Кабанова осудят, придется его непосредственных руководителей наказывать. Указание к тому же просто уволить.

– Или уволишься или делаешь откат.

– Что делаю? – спросил Кабанов.

Уходякин разозлился. Этот плебей должен сам на коленях деньги предлагать, чтобы не посадили, а он придурка из себя изображает. Недослышал или действительно удивился? Если второе, то дело с таким чистоплюем иметь опасно. Да и откуда у него двести тысяч.

– Зла тебе никто не желает. Напишешь рапорт об уволь-

нении, порошкообразное вещество окажется растолченным
анальгином или что там у экспертов в аптечке будет. Решай
сейчас – к 18 часам заключение должно быть готово. Я в
ЭКЦ при тебе позвоню.

Алексей Уходякин почувствовал себя справедливым и
добрым барином.

КОМУ ТЫ НУЖЕН

Что такое друг? Это человек, который звонит просто так, без меркантильного интереса. Человек, который не утомляет присутствием. А утомлять можно чем угодно, начиная от внешности и проявления физического превосходства до неправильной постановки ударений в словах.

Друзья вырастают из детства, отрочества, когда в голове калейдоскоп мыслей собирается в собственное мировоззрение. Когда избыток тестостерона толкает на совместные авантюры и кандидаты в друзья до гроба оценивают поступки друг друга. Друг и другой – здесь совершенные антонимы. Тестостерон вырабатывают яйца. Поэтому настоящими друзьями становятся мужчины.

После первых десяти лет дружбы и совместных приключений Кабанов время от времени называл Генку Романенко молочным братом. Вторая десятка заканчивалась практически полным внешним сходством и духовным родством. Единственным, незначительным к данному периоду времени, различием во внешности оставалась разница в росте – Генка почти на голову выше.

Каждая дружеская встреча подогревалась алкоголем. Друзья испробовали всю алкогольную продукцию от «Агдама» до «Ябсента». Качество алкоголя со временем возрастало, а количество встреч сокращалось. У Генки жена и ребенок.

И еще хобби – азартные игры. Временами друзья не только не встречались по месяцу, но даже и не созванивались. Но больше друзей у Кабанова не было и приобретать их не стремился.

– Ну что давай отпразднуем твое освобождение от государственного рабства.

Генка скинул туфли, запах от ног 46 размера немедленно напомнил пристрастие друга к пешим прогулкам.

– Давай. Куда сядем?

– На кухню. – Геннадий вручил Кабанову полиэтиленовый пакет. – Поздравляю. Чем заедать будем?

– Я подготовился. – Дмитрий достал из пакета бутылку виски. Настроение улучшилось.

– Джим Бин. Не многовато – литр?

– Отольем грамм 300.

После каждой жестокой пьянки друзья клялись больше не нарушать норму – по 300, ну по 400 грамм на брата. Русские не сдаются. И всегда перевыполняют норму.

Кухня в хрущовке удобная – все под руками. Стол в углу напротив двери, справа газовая плита, за дверью – холодильник. Не сходя с центра можно дотянуться до любого предмета. А Геннадий так и вовсе мог одновременно закрывать дверь и открывать форточку.

По традиции – первая рюмка для разогрева печени. Бутылку на стол, Кабанов занялся продрозверсткой холодильника. Бурбон окружили салаты в пластиковых коробках,

палка Браушнгвейской, заливное мясо,

– От Павловича! – Кабанов погромыхал пельменями в красной коробке.

Романенко достал тарелки, ложки, вилки. Друзья не выдержали, выпили еще по одной.

Геннадий сервировал стол, Дмитрий забулькал пельменями в кастрюлю. Вскоре фирменная продукция дымилась на столе.

– Ну что, понеслась! – Теперь уже закусывали.

– Отдохнешь теперь! – убеждал Генка. – А то как ни позвонишь, ты на работе. Ты когда два дня подряд отдыхал? Нервы целее будут.

– Как с Татьяной у тебя, вместе жить не собираетесь?

– Не знаю. Туповатая она немного, Гена. Начнешь с ней о чем-нибудь серьезном, она глаза вытаращит, улыбается, кивает, а по всему видно, что не головой думает. Скучно. Ребенок опять же.

– Нормальная девушка, ребенка своего сделаете, а поговорить со мной можешь.

– Девушке уже под тридцатник, а она в короткой юбке по дискотекам скачет.

– Не угодишь на тебя – одна молодая, другая веселая. Дашь ей книжки в руки, ума наберется.

– Ты думаешь, я только из-за этого ушел? – спросил Кабанов, оторвав спину от дивана.

Друзья допивали виски в комнате, время от времени выходя покурить на балкон. Генка придвинул кресло к столу. Заслонив телевизор, сидел, терпеливо выслушивая стенания.

– Надоело вранье, лицемерие. Давление со всех сторон! Полиция – это теперь такой нарост на теле страны. О людях, о гражданах давно никто не вспоминает! Самое главное – статистика раскрываемости. Надо же показать, какие мы великие руководители, не зря нам зарплату подняли. Сейчас как в футболе ситуация – платят много, поэтому играть не охота. Когда в январе получили первую зарплату, все такие деловые стали. Помню, стоят в коридоре, на подоконник облокотившись, дознаватель – задница шире кресла – и участковый перед кабинетом начальника, рассуждают, как лучше бакланку расследовать. А чего ее расследовать – двое героев в летнем кафе подрались, один бутылкой по голове получил, обоих задержали сразу. Лица серьезные, губы надули. Профессионалы. Родина доверила, всю преступность изведем. А тут бац – как не раскрывалось ничего толком, так и не раскрывается. А зарплату платят, чего тогда напрягаться. Задницы толстеют, опера с участковыми в бумагах утонули, в следствии вчерашние школьницы в осадок выпадают, когда жулика увидят. Три четверти личного состава полиции – это менеджеры в погонах, административно-хозяйственный аппарат. Бегают по коридорам с бумажками – главное, чтобы цифры сошлись.

Генка плеснул остатки по бокалам, понимая, что, пока друг не выговорится, придется слушать малоинтересные истории.

– Месяц назад молодых оперов в Питер послали. Там жулика задержали, он в розыске два года за тяжкие телесные был. Опера наши приехали с розыскным делом, получили жулика, оформили документы. Обратный поезд только на следующий день. Пришлось ночевать вместе с жуликом в гостинице. Жулика приковали к батарее, сами нажрались, как дембеля в самоволке. Утром очнулись – ни жулика, ни дела, только наручники на батарее болтаются. Думаешь, уволили оперов? Сейчас! Начальнички наши дело заставили восстановить и помалкивать в тряпочку, чтобы самим с кресел не кувыркнуться.

Дмитрий осушил бокал, поглядел на друга, выдавил:

– Пойдем, покурим.

Дым сигарет подхватывал все еще теплый сентябрьский ветер, луна проблескивала в верхушках деревьев.

– Я никому не рассказывал, – Дмитрий затаился, выпустил струю дыма через нос.

– Помнишь, зимой я два месяца не звонил, не заезжал, трубку не брал? Простатит меня шибанул. Слава Богу, что простатит – подозревали рак. Биопсию брали. Пока анализы не сделали, я такое пережил. Даже сейчас тяжело. Так я все это время работал, стиснув зубы, только по ночам подушку грыз, как енот.

Генке уже обзвонилась жена, он попрощался, обтирая стены и громыхая перилами, затопал по лестнице в ночь.

Дмитрий закрыл дверь, по привычке оставив ключ в вертикальном положении, чтобы гипотетические враги не смогли вытолкнуть из замочной скважины. Инстинкты довели до кровати, Дмитрий упал на спину и провалился в сон.

Весеннее солнце подсушило поле. Серый снег маскировался в овраге. Комья земли летят из-под гусениц, лязг траков звенит над сопением усовершенствованной системы выхлопа Т-170. Жестокий тюнинг преобразил детище Челябинского тракторного в подобие танка. Стальные листы наварены вокруг кабины, двигателя и верхней части гусеницы. Со всех сторон в железо вмонтированы видеокамеры, над объективами форсунки омывателей. На мониторе в тесной кабине приближается коттеджный поселок. Уже различается кирпичная кладка, Дмитрий Петрович дернул рычаг, прибавил газу. Отвал приподнялся, трактор на полной скорости протаранил забор. Куски испанского кирпича забарабанили по железу, струя воды очистила объектив передней камеры от пыли, следующая цель – стена двухэтажного дома. Кабанов знал расположение комнат – коттедж стандартной планировки. Эрзац-танк, нисколько не задержавшись на несущей, пробил две стены, остановился в гостиной. Сдвинулась заслонка на листе кабины, в дверь спальни полетел газовый

патрон. Газ быстро наполнил комнату, надрывный кашель на два голоса показал Кабанову, что бывший начальник ночевал с супругой.

– Жаль, но ничего не поделаешь. – Кабанов убавил громкость, натянул противогаз. Пальцы нащупали нужную кнопку, к бухтению двигателя добавился рокот компрессора. Дмитрий Петрович подождал, когда давление в кабине повысится, толкнул дверь. Кашель и сдавленный мат указали на цели. В сизом дыму загибались два тела – побольше женское, поменьше то ли мужское, то ли детское.

Кабанов прыгнул с покрытия гусеницы, метнулся к телам. То, которое помельче, жестко вырубил, большому телу аккуратно зажал рот, подхватил под мышки, вытащил в гостиную. От страха женщина отключилась сама, во многом облегчив задачу. Тело помещено в кладовую, подальше от выхлопной трубы. Кабанов вернулся в спальную, прошел к окну. Оценив пейзажик, отворил створку. Свежий воздух погнал газы в сторону пролома, тельце застонало на полу. Кабанов снял маску противогаза, подошел к стонущему. Из кармана достал четыре коротких ремня, быстро затянул на узких конечностях не пришедшего в себя человечка.

– Какой же ты щенок все-таки, господин начальник! – Дмитрий рывком поднял худосочное тело – килограмм 50, не больше.

На отвале приварены четыре крюка – на верхние руки начальника легко растопырились, на нижние, чтобы зацепить

ноги, пришлось развернуть корпус.

– Ты теперь прямо как Гермес, Алексей Николаевич! – усмехнулся Кабанов.

– Ты же любишь, когда тебя по имени-отчеству, щенок! – Кабанов с ненавистью влепил пощечину.

Тощий Гермес задергался на ремешках, глаза заметались по сторонам, изо рта вырвался хрип ужаса.

– Заткнись, тварь! – Дмитрий Петрович заткнул рот бывшего начальника его же носком.

К этому времени отравляющий газ улетучился, Кабанов сунулся в кабину, отключил двигатель. Провернувшись несколько раз, затих и компрессор. Наступившую тишину нарушали лишь мычание Алексея Николаевича и время от времени скрежет раций в кабине.

– Если бы ты знал, как я ненавижу начальников, – Дмитрий Петрович загнал кляп поглубже в ненавистную глотку, – давно бы уже вырубился от страха. До судорог ненавижу.

Кабанов нашел стул, уселся поудобнее напротив своего творения.

– Я начальник – ты дурак, а? Русский менталитет! Вот так вы и набираете холуев по нисходящей. Эта наша русская система такая – подбирать по холуйским качествам, по гладкости языка, по мягкости булок. Получается наверху единственно умный начальник, ниже – дурак, но относительно умный для нижестоящего. А по доктрине все равно дурак. Кто у нас в начальники рвется? профессионал, борец

за идею? если бы! лентяй и убог, стремящийся утвердиться за чужой счет. Лень и страх – основа вашего бытия. Ну не любите вы двигаться, мышцами шевелить, боитесь физической работы! Вы же умные все, гуманитарии, знатоки законов. Умственную работу как проверишь? ну не решается задача – «здесь нужны специальные знания, здесь нужны специалисты!» А едальники отъедать – много ума не надо. Все начальнички, как из инкубатора – щечки, животик. Один ты задротыш. Так ты и не усидишь в широком кресле – тощей задницей подчиненных не напугаешь, а язык маловат – во все дырки не засунешь. Вот ты сам давно жулика видел, коллол, нервы тратил? Вы, начальники, задачу свою понимаете подчиненным нервы трепать! С подчиненным – это тебе не с зэком зубами скрипеть, тут и щеки понадувать можно, задним умищем блеснуть, в говно носом ткнуть. Вы же про идею совсем забыли – народу служить, защищать! Держитесь за должность хлебную, кабинетную. Не дай Бог руками поработать, да на гражданке, где звездюлей на каждом углу получить можно. Главное отчитаться как надо – раскрываемость преступлений растет из месяца в месяц! При этом понижается кривая преступности! А как ее понизить? метод простой – уголовное дело не возбуждать – то справки нет, то еще чего – иди, исполнитель, пиши отказной! Нет оснований – придумай, сфальсифицируй!

В кабине забормотала рация, Кабанов прислушался, решил, что время еще есть, продолжил:

– А как вы любите все усложнять, обставляя приказами, инструкциями, подзаконными актами. А как совещаться любите, докладывать о личных успехах, закладывая подчиненных. Так проездил целый день по совещаниям, потом кулаками в грудь – «вас бы туда на мое место!» Вы же, начальники, жопой думаете! Сначала постовых убрали – гопота обнаглела, затем ДПС видеокамерами заменили. Да плевать хотели гламурные стритрейсеры на камеры! Отсюда и куча аварий и жертвы на дорогах!

– А скоро вообще руками работать никто не захочет, – Дмитрия Петровича понесло. – Пускай чурки работают! По зомбоящику сплошь героями студенты, менеджеры гребаные, шлюхи, проститутки, менты и бандиты, сами артисты, артисты и проститутки политические, словом, все работники умственного труда. Ни одного героического рабочего, про крестьян уже не говорю – скоро и слово такое забудут. Мигрантов, мигрантов побольше! Кто раньше в СССРе жил – вот вам, товарищ таджик, российский паспорт с гражданством! У нас граница вообще есть, интересно? Хотя кого я спрашиваю – из вас, начальничков тридцатилетних, и не служил-то никто.

Снова забубнила рация в кабине, бубнеж становился все оживленней.

– Ладно, хватит, вон твои друзья уже на походе! – Кабанов поднялся, губы в нитку, в глазах бешенство.

Хлопнула дверь, взревел двигатель, лязгнули гусеницы.

На ноже боевого трактора Алексей Николаевич Пантелеев поехал встречать полицейские наряды...

Кабанов открыл глаза, сердце пиналось в груди, в голове чугунный колокол. Сейчас лучше не двигаться, решил Дмитрий. Полежать, успокоиться.

Нашелся тоже Марвин Химайер! Для начала трактор приобрести надо, сварному делу обучиться, потом столько усилий потратить! Так американский жестянщик и не убил никого.

А способен ли убить? Не в бою, не защищаясь от нападения, а вот так – из мести? Уже постановка вопроса отдаёт непорядочностью. Оскорбили – дуэль! Спровоцировать и набить морду! А мщение – это с улыбкой, с наслаждением. Какой же ты Дартаньян после этого? А если враг силен физически, или сопли интеллигентские вовремя помешали, или за мордобитие самого в наручники да в клетку?

А если месть – это воздаяние, уравновешивание? С этой позиции проще? Быстро нашел оправдание! Хорошо, тогда каким образом? Никто тебе в подвал Зайсунцева и Пантелеева не приведет, к сырой стенке лбом не приставит. Да и сможешь вот так – в упор. Здесь особое состояние нужно. Завести психику надо. В реальности намного сложнее – есть время ожидания, мало того, что перегоришь уже, необходим подход на расстояние верного выстрела, а это обнаружение себя, а уверенности, что нажмешь на спуск, так и нет.

А если представить ненавистные лица в перекрестье оптического прицела? Целишься из укромного места, представляешь объект персонажем компьютерной игры. И родителей и детей персонаж не имеет. Дыхание задержал, давишь легонько на спусковой крючок. 3 миллиметра свободного хода и уже ничего не изменишь. Тяга освобождает пружину, боек накаливает капсюль, порох взрывается в гильзе, пуля проворачивается в стволе – дум! Объект ненависти ликвидирован, личная справедливость восстановлена, состояние жизнерадостное – не вошью оказался!

Дмитрий закрыл глаза, криво ухмыльнулся. Дум-дум, подумай сначала.

Во-первых, где взять оружие? Заморачиваться с охотничьим билетом и только через 5 лет получить возможность приобрести нарезной карабин?

Во-вторых, сколько времени займет подготовка – слежка, изучение образа жизни и маршрутов передвижения? То есть на себя плюнуть и жить только ради этих ублюдков.

В-третьих, у этих «объектов» есть родные. Страдать будут.

В-четвертых, убийство правоохранителей – дело серьезное. Вычислят, поймают. Или пожизненное или сразу пристрелят. Как вариант, после акции самому застрелиться.

В-пятых, а как, господин мститель, ты сам жить после этого сможешь, даже если не вычислят и не поймают? Жизнь-то будет в радость? Не окажешься ли еще большей вошью?

Итог – куча сложностей ради двух кусков дерьма.

Вывод: выбрось из головы и живи дальше.

Кабанов снова заснул и спал уже без сновидений.

СВОБОДА

Диме Кабанову было десять лет, когда отец взял его в гости к сослуживцу. Сослуживец – дядя Саша Лукьянов – был из интеллигенов-бородачей, которые лазили по горам и играли в КВН. В квартире у него имелась огромная по тем временам библиотека. Книги тогда ценились дорого, у некоторой категории населения заполненные книжные шкафы считались престижным элементом интерьера. Лукьянов собирал книги для души. И не был жадным. Дима попросил почитать «Три мушкетера», хотя немного оробел от объема произведения господина Дюма. Прочитал, как говорится, запоем. И подсел на книги. Каждые выходные тянул отца к дяде Саше. Чуть повзрослев, стал скромнее – записался в библиотеку. До окончания школы Дима прочитал всю беллетристику, изданную в советское время. Кем может вырасти школьник на книгах Дюма, Лондона, Конан-Дойла, Сабатини, героями которых были честные и мужественные люди? Конечно наивным и бесхитростным призывником. Армия начала 90-х расширила кругозор, прошла жерновами по юношеским понятиям. Вместе с тем высекла в душе огонь справедливости.

Дмитрий ненавидел врать, ненавидел людей, которые пользовались чужим трудом, не отдавая ничего взамен, то есть попросту воровали. Вор, врать и воровать – однокорен-

ные слова. А вор, по завету Глеба Георгиевича, должен сидеть в тюрьме. Дмитрий сознательно пошел по стопам Желова. Очень удивился, когда на медкомиссии при сдаче психологических тестов психиатр предупредила: «Не пишите, что в милицию идете граждан защищать! Придумайте что-нибудь ближе к реальности». Так если именно за этим, не за длинным же рублем. Зарплату Дмитрий за всю карьеру получал в переводе на американские деньги от 200 до 400 долларов. Никогда не ловчил, не вымогал и не завидовал. Своей честностью, переходящей в гордыню, раздражал и коллег и начальников. Кабанов никому не объяснял, что честность было своего рода индульгенцией. Дмитрию претило физическое воздействие на подозреваемых, но без пыток, надо быть честным, при раскрытии особо тяжких преступлений не обходится ни одна спецслужба в мире. Товарищи Дмитрия не рефлексировали по этому поводу, а его совесть нуждалась в экзоскелете.

Мент Кабанов не подкладывал бомзам патроны, укрывал мелкие преступления, только по желанию заявителя, познавшего равнодушие правоохранительной системы, считал тупым наследием застойных времен секретное делопроизводство. Кабанов работал – раскрывал преступления, сажал жуликов в тюрьму. На фоне махинаций, как с тем же Самойловым, статистика раскрываемости была скромнее, чем у молодых, да ранних товарищей.

Увеличение зарплаты в два-три раза сыграло дурную шут-

ку в правоохранительной системе. Развязанная в СМИ травля полицейских привела к тому, что исполнители гораздо осторожнее стали подходить в методах допроса подозреваемых. «Не Вы ли изволили скрасть кошелек? Нет? Тогда просим извинить. До свидания. Ах, ну да, прощайте, милостивый государь!» Раскрываемость упала, а зарплату отработать надо. Тем более в ведении руководителей оказалось и начислении премий и контроль за средствами по 9 (секретного делопроизводства) смете. С опера и участкового потребовали раскрытия преступлений любым способом, хоть родных уговаривай одежду в магазинах воровать.

Система заработала на себя. Система поделилась на начальников разного уровня. В начальники прорвались лизоблюды, цель которых усидеть на хлебной должности. Отчет по восходящей о проделанной работе с неизменно положительной статистикой – главный критерий профессионализма руководителя. Повышение раскрываемости на бумаге требует от исполнителя совсем других качеств, какими обладал Кабанов. Гибкий позвоночник, безоговорочное послушание и отсутствие сострадания – только такие качества позволят получать повышенное денежное довольствие. Новым руководителям нужны рабы.

Кабанов лежал на диване и смотрел в потолок. Два слова, показавшиеся Зайсунцеву недостаточно подобострастными, поломали жизнь. Разве такое возможно? Стабильная госслужба, гарантированная медпомощь. Наконец, повыси-

ли зарплату, о семье можно задуматься. Но, самое главное, была работа, приносящая удовлетворение.

Все это отобрано двумя хамами. Начальниками, возмнивших себя рабовладельцами.

Пантелеев, никогда не коловший жуликов, избегавший их как черт ладана, руководит отделом уголовного розыска. Зайсунцев, выпускник военного училища тыла, командует полицейскими, как Аракчеев могилевскими крестьянами.

С другой стороны – сколько потрачено здоровья. Работа опера – это постоянный конфликт. С жуликами, с потерпевшими, с начальством. С жуликами конфликт закономерный и оправданный. Здесь, как ни странно, нервные клетки почти не сгорают. С потерпевшими конфликт из-за неверного понимания ими специфики работы исполнителей. Большая часть правоохранителей со временем закаляет иммунитет к страданиям граждан, обратившихся за помощью. Кабановский иммунитет постоянно давал сбои. Его совесть была под постоянным гнетом ответственности перед потерпевшими.

И тут – бац! Полная свобода от конфликтов. Казалось бы, надо радоваться – ты стал обычным гражданином, никто не требует

Свобода. Ну и кому ты нужен со своей свободой? Чего ты свободен делать? Свободен веселиться? Но веселью – час, иначе оно не будет весельем. Свобода делать что душе угодно? А что ей удобно? А удобно ей было наводить порядок, помогать людям, минимизировать зло, черт побери. И чув-

ствовать себя значимым для общества.

Так вспомни, чем ты хотел заниматься в жизни, занимайся спортом, женись, воспитывай детей. И тут выходит, что свобода ничто без такой пошлой вещи, как деньги. А накоплений нет, откуда им взяться? Рабочей профессии нет. Очутится в стае недорезанных собак по кличкам «юрист» – удовольствие сомнительное. Связей среди боссов нефтегазовых компаний нет.

Свобода. И что ты будешь делать с ней? Как говориться, избавься от желаний и приобретешь свободу. А если так: получил свободу и исчезли желания.

ОБРЕТЕНИЕ РАБА

– Привет! Все киснешь? А я к тебе не один пришел! – Генка достал из пакета бутылку треугольной формы. – С Джонни Уолкером!

– Проходите скорей, друзья дорогие. – улыбнулся Дмитрий.

– Скользко на улице, два раза чуть не приложился, а мог и друга разбить. Холодно, снега нет совсем. – докладывал метеообстановку Генка. От его куртки веяло колючим январским морозом.

– Пойдем, согреемся.

Друга Джонни окружили на столе банки с солеными огур-

цами, зелеными помидорами, сельдь по-исландски, копченая колбаса и прочие сопутствующие возлиянию консервы.

– Ковбои виски без закуски глушат. – сказал Дмитрий. За стол придется выплатить половину, а он сейчас взял привычку экономить.

– Ковбои в Америке, там тепло, стакан жажнул и в пампасы кактусом закусывать.

Треугольная бутылка пустела, ее янтарное содержимое растекалось по венам друзей.

– Новый год один встретил? – спросил Генка. – Так Татьяна и не позвал?

– Настроения не было. – отмахнулся друг. – Она названивала, потом перестала. У меня телефон разрядился, так до сих пор и валяется где-то.

– Прекращай хандрить, на работу пора устраиваться. Праздники пройдут и вперед.

– От того и муторно. Объехал все районы, в областные отделы ездил, готов был в любой деревне участковым работать. В колониях опера нужны. Мои данные везде запишут сначала, типа, перезвоните через неделю. Звоню, начинают чушь нести: у нас реорганизация, временно не принимаем, может, через полгода... Я так понял, в черный список меня внесли.

– А чего тебя в эти структуры тянет? Со всех сторон уроды, с одной – уголовники, с другой – начальство. Оно тебе надо – здоровье гробить?

Дмитрий сделал глоток виски, не чувствуя вкуса, ответил:

– Мне до пенсии три года оставалось. Я, в отличие от Пантелеева, два года в армии отслужил, в отличии от Зайсунцева, четыре года в школе милиции учился. 6 лет в казармах. Всю молодость на работу променял, домой только ночевать приходил, вот именно, что здоровье угробил, а теперь из-за каких-то ублюдков профессию менять, да еще с волчьим билетом. Да не в том дело, что придется до 60 лет горбатиться, я умел преступления раскрывать и любил это делать. Понимаешь?

– Понимаю. Обидно, когда молодой командует. Тебе самому давно начальником надо было становиться, а не в операх бегать.

– Если бы молодой сам из себя чего-нибудь представлял, а то за бумажками прятался всегда. Нет, в начальники мне нельзя – не могу над людьми издеваться. Я как думаю: начальник – прежде всего лучший профессионал с организаторскими способностями, координатор действий подчиненных для достижения цели оптимальными способами. Помнишь фильм «Коммунист», где начальник лес голыми руками валил? Вот идеал командира. Чего ты смеешься?

– Представил, как наши животастые начальники лес валят! – Генка затрясся от смеха, при этом он разливал остатки виски и плеснул мимо стакана. – Добровольно!

– Лучше бы я разливал! – подосадовал идеалист.

Все-таки «живая вода» и смех друга подняли настроение.

– Черт с ними, с начальниками! Найти бы такую работу, чтобы сам на себя и при этом из дома не выходить. – размечтался Дмитрий.

– Или клона занять. – продолжил Генка. – Утром его на работу отправил, вечером отчет принял, чтобы в курсе быть, а за зарплатой можно и самому в бухгалтерию придти.

– Чего ты придумываешь? Сейчас зарплаты на банковскую карту переводят.

– Тогда еще проще: клона покормил, на ночь в угол поставил или, если самому в лом, в постель к жене подложил – пусть удовлетворяется.

– Нет, клон – это фантастика. – теперь Дмитрий превратился в реалиста. – Вот раба занять бы. Только в постель не пускать, вообще, чтобы на глаза не показывался, пока не нужен, но всегда на связи.

– Раба, говоришь? – Генка сделал загадочное лицо.

– Помнишь, я тебе про Леху Карпова рассказывал?

– Которому ты в покер ползарплаты проиграл?

– Отыгрываю помаленьку. Так вот, он меня приглашал вступить в клуб «Доброволец».

– Ты меня пугаешь, Гена! Твой Карпов не из этих, голу-бообразных?

– Обижает. Леха вот чем соблазнял: в клубе есть рулетка, при желании можно сыграть и выиграть себе раба.

– То есть как раба? – у Дмитрия поднялись брови, глаза округлились. – Который все исполнит, что прикажешь? Я те-

бе говорю – голубой это клуб!

– Нет, там вроде все на добровольных началах и рабу ничего противозаконного приказать нельзя. Даже договор подписывают какой-то.

– И какова ставка? Сколько можно проиграть?

– В том и дело, – Геннадий выдержал театральную паузу, – что ставка – ты сам и есть!

– То есть, если выиграл, получаешь раба, если проиграл – сам становишься рабом? Чушь какая-то! Это вроде как на интерес на зоне сыграл и потом шестеришь. Только на воле проигравший на следующий день просто плюнет на договор и ничем ты его не обяжешь. Потому что такой договор, это я тебе как юрист говорю, является недействительным. И еще, не проще деньгами взять, пересчитать, например, какие услуги проигравший может оказать и получить компенсацию.

– В том и штука – вроде как ощущения другие.

– Типа, клуб самоубийц, да еще на честном слове! Не смеши, Гена! Клуб – голубой!

– Да что ты за гомофоб какой, Дима! Я тебя туда за ухо что ли тяну? Ты раба хотел – я предложил.

– Я не гомофоб! – размахивая пальцем, объявил Дмитрий. – Звони своему Карасю, поехали в клуб. По дороге выпить купим.

– Где мы купим – время пол-одиннадцатого ночи.

– Вот черт! – нахмурился Дмитрий, через секунду глаза

блеснули: – Звони Лехе, если в его клубе наливают, едем!

О том, что Алексей Карпов уже мог отдыхать в кругу семьи в столь поздний час, никто из собутыльников не думал.

– Вон он в длинном пальто у остановки стоит! – ткнул пальцем в лобовое стекло Генка. – Давай к нему, шеф.

– Весь в слезах и в губной помаде, зябко кутаясь в пальтецо... – острил Дмитрий.

Водитель, очкастый парень ботанической наружности, не чаявший быстрее избавиться от пьяных пассажиров, аккуратно притормозил. На заднее сиденье нырнул «карась в пальто» (Дима продолжал острить, но уже мысленно). Алексей Карпов если и был из этих, то вряд ли принадлежал к пассивной части. Иначе бы имел большие сложности в обретении друга. Хотя кто их, нестандартных, разберет, кому и конь сзади невеста. Габаритами Карпов был ненамного меньше Генки, лицо бугристое, вместо рта щель, глаза колючие, ноздри шевелятся при разговоре.

– Да вы пьяны, господа. – поморщился новый пассажир.

– Поэтому на такси приехали. – повернулся с переднего сиденья Генка. – Знакомься, Алексей, – мой друг Дмитрий.

Пассажиры на заднем сиденье пожали руки, Алексей обратился к водителю:

– К «Шипке», шеф.

В давнюю советскую пору кинотеатр «Шипка» являлся одной из достопримечательностей областного центра. Бетон-

ное здание имело фасад из блоков синего стекла, к дверям вели монументальная ступени, перед лестницей серебряными струями били фонтаны, с обеих сторон к кинотеатру подходили аллеи. Кино последний раз в «Шипке» показывали лет десять назад. Или сборы не оправдали надежд, или репертуар не понравился, но местные чиновники решили отдать кинотеатр в аренду со строгим условием использовать его не по назначению. Сейчас одну часть здания арендовали различные фирмы и агентства, другую пивной ресторан и ночной клуб. А теперь, оказывается, еще и клуб азартных добровольцев.

Алексей провел пьяных друзей к магнитной рамке, пришлось выложить ключи, мелочь и мобильники. Важный охранник с лицом колхозного механизатора, обремененного вшитой «торпедой», поводил металлодетектором по одежде, кивнул, но лицо, конечно, сделал такое, будто дерьмо унюхал.

Приятели прошли в гардероб, сдали куртки и пальто.

– Ничего, что мы без фраков? – спросил Дмитрий.

– Сойдет, – решил Алексей, критически осмотрев мятые рубашки и джинсы товарищей. – Здесь не по одежке принимают.

– Неужто по уму? Филиал клуба «Что? Где? Когда?».

– Туда как раз фраки нужны.

Алексей повел коридорами мимо дверей, за которыми ухала музыка, спустились по лестнице, как понял Дмитрий,

к бывшему выходу из кинозала. Остановились у железной двери с глазком и панелью переговорного устройства. Провожатый нажал на кнопку.

– Алексей Карпов, членский номер 52.

Дмитрий закатил глаза: членский номер! может, еще и кровью добровольцы расписываются. Поосторожней надо с этими гомосеками.

За дверью сердце Дмитрия забилося пореже. Никаких намеков на бар «Голубая устрица» не обнаружилось. Слева в полумраке, разбавленным дымом сигарет, за столиками развлекались игрой в карты парни разных возрастов, справа, несколько отгороженный невысоким деревянным барьером, стоял огромный круглый стол с рулеткой в центре. Зато прямо по курсу маняще светила стойка бара, призывно блестя разноцветные бутылки, казалось, прямо ему, капитану, пусть бывшему, пусть полиции, Кабанову дарила улыбку сирена. Обычный покерский клуб, решил Дмитрий, хотя никогда раньше в подобных заведениях не бывал.

– Проходите пока, осматривайтесь, напитки бесплатно, но не увлекайтесь, надо вас председателю представить.

Алексей оставил друзей и потерялся в правой части зала.

– А ты говорил гомосеки! – лицемерно упрекнул друга Дмитрий. – Вполне приличный клуб.

– Я говорил?! – аж задохнулся Генка.

– Шучу, шучу. Пойдем к стойке, а то барменша уже заждалась.

Едва успели закутить ямайский ром турецким лимоном, едва Дмитрий выбрал сигару, а Геннадий примерился к игровому столу, объявился Алексей.

– Пойдемте, я вас представлю хорошему человеку.

В кабинет хорошего человека друзья прошли, миновав стол с рулеткой. Дмитрий отметил странные стулья вокруг стола: спинки метра полтора и цифра наверху.

– Здравствуйте, господа. Очень рад, что к нам пришли такие здоровые жизнерадостные парни. – Плотный живчик с седым бобриком волос и глазами честного торговца домашним коньяком на сочинском базаре встал из-за стола и улыбался как родным. – Меня зовут Анатолий Борисович Фишкин. Я председатель этого клуба.

– А вы, Алексей, идите, развлекайтесь. – отпустил Карпова председатель и сел в объемистое кожаное кресло. – Мы тут сами познакомимся.

Присели к столу и «жизнерадостные парни». Господин Фишкин продолжил:

– Как вы поняли из названия, вход и выход в наше сообщество абсолютно добровольный. Первое правило нашего клуба – абсолютная прозрачность отношений. Но это не значит, что мы принимаем кого попало. – Анатолий Борисович воздел палец над головой. – За вас ручается проверенный член клуба, поэтому, собственно, вы и здесь, в моем кабинете.

«Как они проверяют, интересно?» Кабанов поджал губы. Пришли выпить, а здесь сначала надо членом стать.

– Позвольте объяснить вам правила главного, определяющего суть клуба, действия. Или игры, кому как нравится. Все очень просто. За стол с рулеткой садятся 10 человек – джентльменов, решивших подергать судьбу за перышки. Вам, конечно, приходит на ум принц Флоризель и «Клетчатый». Как видите, клетчатой жилетки не ношу! – Председатель засмеялся, чувствовалось, эту шутку он всегда повторяет с удовольствием.

– К сожалению или к счастью, опять же кому как, подобный экстрим в нашем государстве карается законом. Так вот, когда набирается 10 участников, а бывает и не набирается за всю ночь – дело добровольное, тогда начинается игра. Стрелка поочередно выбирает пару раб-господин. После определения пары любой из свободных участников волен покинуть стол. На этом игра заканчивается. Далее отношения складываются исключительно между рабом и господином. Они заключают договор. Клуб предоставляет только техническую сторону, никакой ответственности по договору не несет.

– Что за договор?

– Сейчас. – Председатель откатился к шкафу, достал пластиковый органайзер.

– Вот, пожалуйста, можете ознакомиться. – На стол с мягким шлепком упали две книжки наподобие меню в ресторане.

Дмитрий открыл черную кожаную обложку. На первой странице крупным шрифтом название договора – «Договор

безвозмездного оказания услуг». Ниже шрифт тоже позволял обходиться без очков. Пролистав, Дмитрий не обнаружил отсылок к примечаниям мелкими буквами. Напротив, часть текста жирно выделена:

«Договор заключается на основе добровольного согласия сторон и вступает в силу после подписания на срок, указанный в договоре».

«Сторонами являются физические лица, дееспособные и достигшие 21 года, выбранные в результате игры, в основе которой заложена случайность».

«Стороны называют друг друга «господин» и «раб», если иное не предусмотрено добровольным соглашением».

«Раб добровольно и безоговорочно соглашается исполнять приказания господина, за исключением приказаний, выполнение которых может нарушить половую свободу личности, если иное не предусмотрено добровольным соглашением».

Ахтунг! Все-таки ребята не совсем традиционного формата, подумал Дмитрий. Хотя, с другой стороны, разумная перестраховка.

«Раб не должен выполнять приказания господина, в результате которых могут быть нарушены законные права других граждан. В случае исполнения такого приказа и наступления вышеуказанных последствий господин несет солидарную ответственность».

«Господин ни при каких условиях не может приказать рабу совершить деяние, в результате которого будет нарушено уголовное законодательство».

«Господин обязан обращаться с рабом, не допуская физического и морального унижения, если иное не предусмотрено добровольным соглашением».

«Раб обязан ежедневно в указанное время прибывать к господину и получать приказания».

«Господин должен предоставлять рабу ежедневно 18 часов для выполнения других трудовых обязательств, личной гигиены и сна».

«По истечении указанного срока стороны должны рассматривать данный договор как не имевший места и не имеющий никаких последствий».

– Как видите, все просто, добровольно и прозрачно. Если вы согласны на участие, мне придется попросить сделать первоначальный взнос – по десять тысяч рублей. Эти деньги идут исключительно на поддержание клуба. Каждое следующее посещение бесплатно, нужно только приобрести фишки для игры в покер не менее чем на тысячу рублей. Постоянным участникам фишки предоставляются в долг, более того, если участник приведет двух кандидатов и поручится за них, он получает фишки на сумму пять тысяч рублей.

– Вот карась хитрожопый! – сказал Генка и объяснил изумленному председателю:

– Это я про постоянного участника. Наградные когда ему выплачивают?

– Как только вы заполните анкеты и заплатите взнос.

– Нам надо посоветоваться.

За дверью председателя кабинета Генка навис над другом, азартно зашептал:

– Давай попробуем, раз пришли. Заплатишь за меня? Завтра отдам.

– Чего твой приятель про взнос не сказал?

– Сейчас найдем и спросим! И я у него половину премиальных заберу!

– Так у меня наличных нет, только карта банковская.

Генка рванул дверь, сунул голову в кабинет господина Фишкина:

– Карты Сбербанка принимаем?

– Конечно! – донесся радостный голос. – У нас солидный клуб! А напитки в зале бесплатные! Через час начнется стриптиз!

В хмельной голове обладателя банковской карты с последними деньгами плюсы толкали минусы. «Десять тысяч на дороге хрен найдешь, но и солнце из-за них раньше не поднимется. Раз уж пришли, на коктейлях оторвемся, стриптиз посмотрим, над добровольцами посмеемся – жизнь! Придется на десять штук коктейлями нажираться».

– Ладно, пошли. – Дмитрий достал пластиковую карту с магнитной полосой.

У барной стойки, потягивая «Кровь черного дерева», Геннадий сказал:

– Слушай, я тут подумал: с нас содрали 20 штук за вступление в клуб имени Себастьяна Перейры. Приводить на каждое заседание по паре-другой таких же лохов очень выгодно получается. Я смотрю, здесь больше в покер играют, чем хотят рабовладельцами стать. Как его, – Генка сморщил лоб, – кворума за большим столом не наберется, игра не состоится, мы благополучно свалим. Ты же не придешь больше?

– Вряд ли.

– А взносы в кармане председателя.

– Нет, не рентабельно. – Дмитрий всосал сразу полбокала коктейля. – Аренда зала, напитки, девочки – скорее подставные профессионалы в покер фраеров обдирают, а закидон с рулеткой и рабами – это оригинальничание, – слово далось с трудом, – для привлечения лохопедов.

– Таких как мы. Карась – сволочь! Пойду, серебряники у него отберу.

По блеску в глазах, Дмитрий понял, что, пока наградные фишки не будут проиграны, друг из клуба не уйдет. Что ж, долгое время это не займет, а пока можно занять работой прелестную барменшу.

– Все проиграл! – Генка вернулся минут через сорок.

– Не может быть!

– Не подначивай, иногда мне везет. Эй, красавица, – Генка улыбнулся барменше, – смешай чего-нибудь покрепче и побольше.

В это время раздался знакомый голос:

– Господа, приглашаются желающие пощекотать нервы в нашей фирменной игре.

Вспыхнул фонарь на потолке, луч света прорезал полумрак, в центре зала, окутанный синим табачным дымом, в позе Иосифа Кобзона с микрофоном в руке стоял Фишкин.

– Смелее, господа, рулетка ждет вас! Вы можете выиграть живого человека. Сегодня состоится супер-игра, по условиям которой срок владения составляет целый год! Целый год вы будете избавлены от житейских хлопот и узнаете, какого быть рабовладельцем!

– Или целый год будете на побегушках. – вполголоса дополнил Дмитрий.

– Сыграть что ли? – у Генки блеснули глаза.

– Давай, себя ты еще не проигрывал. Да и за стол еще не сядет никто, всех покер устраивает.

– Пойду. – Генка взял со стойки бокал с фруктовой закуской на ободу, склонился к другу.

– Если выиграю, прикажу рабу фишек купить, а потом отпущу на волю. Проиграю, чего с меня взять – денег нет, в долг еще доверия не заслужил. Выйдем, пошлю всех на хрен, сам говорил, договор недействительный. Пошли со мной.

Так и вешаются за компанию, подумал Дмитрий. Надо

присесть, пожалуй, а то штормить начинает, к барменше близняшка пришла – на Арнтогльц похожи.

– Пошли, помогу с кворумом.

Дальнейшее происходило в иной, смазанной алкоголем, реальности. Дмитрий сел за стол рядом с Генкой. Высокие спинки стульев закружились в хороводе, через какое-то время стулья заполнили добровольцы. Прямо рыцари круглого стола, усмехнулся Дмитрий. Рыцарские лица разглядеть не удавалось. Лица множились, кворум явно состоялся. Этот факт подтвердил Анатолий Борисович. Голос председателя доносился то сверху, то с боков, был разной тональности и некоторые слова к тому же тянулись по слогам.

– Игра начинается! Сейчас мы будем выбирать первую пару! Рулетка укажет добровольца, который станет рабом!

Дмитрий закрыл глаза, но на внутренней стороне век продолжала отражаться картинка абсурдного действия.

– Им становится игрок под номером 4!

Интересно, какой номер на моем стуле, пытаюсь открыть глаза, Дмитрий повернул голову. Цифру на спинке стула так и не увидел – поднять веки не получилось. Если что, решил, председатель подскажет.

– А теперь настала очередь выбрать господина! Сейчас, конечно, стол покидать не имеет смысла, хотя напоминаю – вы можете остановить игру в любой момент!

– Итак, господином становится игрок под номером 8!

Под ухом раздался радостный вопль, Кабанова затрясло.

– Я выиграл! Выиграл! – орал Генка и тряс стул друга.

Значит, я номер семь или девять, решил задачу Дмитрий.

– А сейчас выберем вторую пару!

– Рабом становится игрок под номером 9!

Я что ли? Мысль ленивцем эстонского зоопарка пробежала в голове, Дмитрий вздохнул, не поднимая век – теперь придется напрягать мозг, как без скандала уйти из этого бедлама.

– А господином становиться игрок под номером 7!

Опять проклятая неизвестность, придется все-таки посмотреть номер на своем стуле.

Но посмотреть не успел.

Добровольцы круглого стола задвигали номерными стульями, только по левую руку остался сидеть игрок. Справа образовался туго обтянутый переливчатым пиджаком живот, Дмитрий поднял голову – Фишкин.

– Поздравляю вас, господин Кабанов! Такого еще не было – два друга впервые пришли в клуб и сразу обзавелись рабами!

Значит, седьмой номер.

– А вот человек, – господин Кабанов увидел перед собой руку, повел глазами налево, но зрение отказывалось наводить фокус. – Который целый год будет исполнять ваши желания. Конечно не выходящие за рамки закона и договора.

– Какого еще договора? – не понял Дмитрий. Какие могут

быть договоры в состоянии близком к коматозному? Срочно надо домой, не хватало еще здесь отрубиться.

– А вот этого, господин Кабанов, – Дмитрий почувствовал как в руку, лежащую на столе, вкладывают какую-то папочку. – Вам надо поставить роспись и вы вступите в права, так сказать, пользования господином Трайбером Германом Алоизовичем.

– Немец что ли? Если подпишу, этот фашист меня домой доставит?

– Герман Трайбер доставит вас куда угодно.

Ночью Дмитрию снился сон про войну. Он вместе с сестрами Арнтгольц, одетыми в гимнастерки и короткие юбки, отражает атаку немецко-фашистских оккупантов. Девушки радуются каждому его приказу. На лицах улыбки в 32 зуба, в синих глазах преданность к Родине и к нему, Кабанову, а в руках бутылки. Но не с зажигательной смесью, а с элитным алкоголем.

Открыв глаза, Дмитрий понял, что лежит в своей постели. Судя по освещенности, время дневное. Пустую, как стеклянная банка, пока еще анестезированную голову начали заполнять обрывки воспоминаний. Вспомнил, что в гардеробе чьи-то сильные руки помогали надевать куртку, потом заталкивали в машину на заднее сиденье. Какой-то добрый человек помогал подняться на лестнице, открыл дверь в квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.